

ВСОВРЕМЕННЫЙ политический лексикон надо ввести новый термин — "тимархия". Впрочем, термин "тимархия" не такой уж новый, ему более двух тысяч лет, а ввёл его великий древнегреческий философ Платон в трактате "Государство". Это понятие использовали Аристотель, Ксенофонт, да и многие другие. Почему же слово "тимархия" оказалось забыто? Виной тому некоторые таинственные перипетии идеологической драмы новейших времен. Давайте разберёмся...

Платон в своей знаменитой книге перечислил основные государственные формы: монархию, тиранию, олигархию, демократию и в этом же ряду тимархию (тимократию). Аристотель в "Никомаховой этике" и "Политике" анализировал тот же политический ряд, тимократия там присутствовала. Истини ради, отметим, что оценки двух мыслителей различились и выводы они делали неодинаковые. Однако оба философа неизменно использовали термин, связанный с греческим словом "тимос", что означает "честь". Так они именovali вполне определённую модель государства, которая существовала в Древней Греции наряду с упомянутыми выше. Но почему же понятие "тимархия" современными политологами не употребляется? Может, это что-то вроде мифа, как божественная гора Олимп?

А теперь — сюрприз... Вы, уважаемые читатели, прекрасно знаете древнегреческое государство, которое Платон и Аристотель так именovali. Тимархия — это Спарта! Иными словами, имевшая в виду общество, организованное по образцу армии (ведь именно в нем выше всего ценятся честь, доблесть и героизм).

Монархия и тирания — власть одного лица (наследственная или незаконно захваченная). Аристократия и олигархия — власть группы, выделяемой соотношением родовитости или накопленным богатству. Демократия — власть выборных лиц, регулярно сменяемых голосованием. А тимархия — это армия, ставшая государством. Понятно, что действующие войска напоминают государственную систему, хотя армия и отличается от светского общества некоторыми особенностями. Соответственно, нет ничего удивительного в том, что государство строится по армейскому образцу. Во главе его стоят военачальники, все граждане ранжированы согласно иерархии, подчиняются строгой дисциплине. Богатство презрительно, в чести — физическая сила, смелость и воинская доблесть. Осуждаются роскошь, разврат, пьянство и праздность. Восхваляются героизм и самопожертвование во имя Родины. Нерадивые граждане нещадно наказываются, превращаются в рабов и отправляются на каторгу.

Платону, кстати говоря, спартанское общество нравилось: философа восхищали аскетизм и подчинение личности интересам общества. В своем утопическом идеале государства Платон вывел эту самую тимархию, но с условием, что власть там должны иметь не только доблестные военные, но и разумные мудрецы. А поскольку, согласно Платону, реальная тимархия со временем неизбежно превращается в олигархию ("...скопление золота в кладовых губит тимократию..."), он предлагает для правящего класса запрет частной собственности и семьи (всплатители и стражи государства полностью живут за казенный счет). У Платона также описан "тимократический человек" — мужественный герой, презирающий материальные блага, готовый к жертвам и лишениям во имя высокой цели.

Таким образом, тимархия занимает вполне естественное место в самом истоке европейской цивилизации — древнегреческой ойкумене. (Даже среди основных архитектурных форм присутствует строгий дорический ордер, а ведь дорийцы — это спартанцы). Короче говоря, тимархия — полноправная, самодостаточная форма

государства. В этом были согласны и Платон, и Аристотель. Ясно же: если армия — структура, созданная для военных целей, то и государство может иметь ту же самую военную структуру, что крайне удобно во времена, когда войны происходят постоянно. Понятно, что война и необходимость мобилизации — суть внешние условия возникновения тимархии, однако вне зависимости от этого, данная система и сама по себе логична и устойчива.

Впрочем, из истории известно, что спартанское государство в период мира выродилось в банальную олигархию и, как отмечает Аристотель, это произошло потому, что герои-властители под

влияние собственности и государственную жестокость, обвиняли даже в убийстве слабосильных младенцев. А тех афинян, кто симпатизировал военному аскетизму дорийцев, демократы жестоко карали (казнь Сократа и изгнание Ксенофонта).

Казалось бы, ничто не мешает и сейчас западным демократиям открыто осуждать военизированные тимархии, тем более есть за что: жестокость и сверхдисциплина, общественная собственность и государственное рабство сопутствуют этой форме управления. Однако — нет. Жадный Запад стремится приписать себе спартанскую доблесть. А там, где она проявляется в пику ему, устраивает

текущем семестре, когда в курсе философии начал рассказывать студентам о Платоне и Аристотеле, вдруг понял — термин "тимархия" убрал из современной политической лексикой неспроста. Подозрение превратилось в убеждение, а результат — эта статья.

А потому возникает вопрос к российским профессиональным социософам и политологам: если ваша компетентность основывается на фундаменте европейских гениев античности, неужели вы не могли правильно уяснить формы государств из книг Платона и Аристотеля?

Я понимаю, во времена господства марксизма ни о какой тимархии не шло

ское воспитание" ("Educazione spartana"), означавшей тренировку железной воли).

Так или иначе, из-за теоретической путаницы в умах философов образовался в общественном сознании хаос, тимократический человек превратился в презренного "совка".

А между тем, всё объясняется просто. После гражданской войны и кровавой смуты в СССР сложились классическая тимархия (потому её и поддержали военные круги Российской империи). Её конкретная форма, конечно, оказалась зависимой и от марксистской идеологии, и от мафиозных кланов, и даже, если угодно, от рефлективного управления из-за рубежа. Но коммунистическое советское государство было именно тимархией — такой, какой её описывал идеалист Платон и критиковал прагматик Аристотель. Более того, когда слетело "покрывало" марксистской фразеологии, тимократическая сущность нашего общества стала совершенно понятна.

ГОДОВЩИНА ПОЛТАВЫ ставляет продолжить "украинскую серию". В 1708 г. Карл XII пошёл в свой последний (на Россию) поход, Жалкий штамп "Карл завяз в Польше" обесмысливает историю: уязвимый, еле вылезший, Карл "весь в польской болотной тине..." и тут Пётр, понадевшийся пущек из церковных колоколов".

Но в Польше (и Германии!) Карл значительно усилился. Более чем удвоил армию. Превратился в зрелого полководца. Нарву-1700, выиграл, как ни обидно, 18-летний юноша. К походу 1708 г., как пишут шведские историки Бенгтссон и Стиле, Карл стал осмысленным, перестал использовать лишь фронтальные атаки, неизмеримо вырос как военачальник и правитель страны. Французский Большой исторический справочник, вышедший как раз в 1708 г., уделил ему рекордные 30 колонок (а своему королю, французскому Людовигу XIV, лишь 22. — вот тогдашний рейтинг!). На тот момент Швеция достигла апогея могущества, превзойдя даже эпоху Густава Адольфа, когда в Тридцатилетней войне Швеция стала "арбитром Европы, хозяином Германии".

В начальном плане наступления Карла Украины не было вовсе! Опора шведов — побережье Балтийского моря. Ещё недавно его гордо звали "Шведское озеро". Хотя на самом востоке означился Санкт-Петербург, но всё равно: Шведская Померания, Лифляндия с Ригой — главные операционные базы. В русский поход Карл отправился из покорённой Саксонии не "по южным, хлебным краям" с выходом на Украину — наоборот: по самому северу Польши, Литвы, Белоруссии.

Карл уже ступил на территорию России (Смоленщина), когда на горизонте возник гетман Мазепа. В январской колонке рассказано о дьявольском хорождении княгини Дольской, иезуита Зелёнского, польского агитатора Вольского, племянника Мазепы Войнаровского — не только соблазнявшем, но и спровоцировавшем Мазепу. Позже, готовясь к постижению в монахи, доверенный человек гетмана Болбот создался, что "намерение Петра арестовать Мазепу, отдать гетманство Меншикову" было ложью, предназначенной убедить Мазепу перейти к шведам.

И ночью 25 октября 1708 г. он решился. Переправившись через Десну, стремительно бежит дальше, прибывает к Карлу, стоявшему лагерем близ Новгорода-Северска. Очень симптоматичен тот последний бросок, бегство Мазепы из якобы подчинённой ему страны, а фактически — из зыбкого круга двойных, возможно, и тройных агентов.

Сложность образа Мазепы чувствовали поэты: он единственный из россиян (напомню надпись на погребённом в Иерусалим серебряном антимисе: "От Мазепы, российского гетмана"), удостоенный поэмы Байрона. Из байроновской "Мазепы" Пушкин взял эпиграф к своей "Полтаве", где Мазепа — главный герой, а король Карл — статист. Типа: "Сражаться подано".

Такой вот драматичный, поэмогенный путь привёл гетмана ("злой и прелестный Мазепа") в странную компанию лиц, преданных православной афанасии: Григорий Отрепьев, Лев Толстой... Впрочем, в 1861 г. церковь сняла проклятия с Мазепы, установив: в политическом его преступлении не было антиправославной составляющей.

Продолжением метаний гетмана стала история с памятником в Полтаве — по случаю 300-летия битвы. Из политиков наиболее разумно высказался лидер Спартаки Александр Мороз: "Я переводил поэму Черепкова "Зрада". Скажу, что Мазепа не имеет никакого отношения к Полтавской битве. Он у Карла XII был не то узником, не то консультантом, потому что предал и последнего. Кто виноват в кровопролитии в Батурине, если не Мазепа? Нецелесообразно сооружение в Полтаве ему памятника".

Порывистый Пётр приказал изготовить "Орден Иуды". Серебряный кругляш, весом 5 кг, на нём — Иуда Искариот, повесившийся на осине, 30 сребренников и подписи: "Треплет сын погубильный Иуда, еже за сребролюбие давится". В случае пленения Мазепа светило идти на казнь с тем орденом на шее.

Да какое там "сребролюбие"! Мазепа пришлось ещё и вырывать деньгами (240 тысяч талеров) своего нового шефа. Манёвр Мазепы мне напоминает князя Олега Рязанского, русского князя, поддерживавшего Мамая против Дмитрия Донского. Так поддерживавшего, что до сих пор идут споры: не был ли это хитрый сговор Олега с Дмитрием?

В мазепажном случае "сговор" исключён, но всё сложилось так, что и лучший "агент Петра" не смог бы сильнее подставить Карла.

Да, в истории России бывали моменты, когда она "гоголевской тройкой" летела вперёд, и всё вокруг летело навстречу, и самое хитрое зло оборачивалось на пользу...

Шведы, имея главной целью Москву, шли, держась связи с главной базой в Лифляндии. Для последнего броска на Москву Карлу нужны были подкрепления, продовольствие, порох. Из Риги вышел генерал Левенгаупт: 16 тысяч человек, более 7 тысяч фура, порох, продовольствие на три месяца — до Москвы с запасом! Э. Карлссон подсчитал: 1500 солдат дополнительно переведены в восточные.

Хор провокаторов, душивший Мазепу, обдурил и Карла: "обильный край, усил ненавидят москалей". Левенгаупт брошен, его обоз потерян. Мазепа привёл лишь 1500 казаков. Меншиков, узнав об измене, сжёг Батурин со всеми маниями Карла запасами. И вот...

"Сцена исторической встречи. 28 октября 1708 г.":

— Здравствуйте, любезный Иван Степанович! А где продовольствие и порох? — А усе там. В Батурине. (Вдали подымались гигантские столбы чёрного дыма).

Все "бонусы" обнулены уже 2 ноября. А потом горизонт заслонила новая, из ниоткуда взыгравшая "стратегическая суперцель" — Полтава. Ирония всё гуще: Карл, тогдашний полководец № 1 Европы обдурен ещё раз. Мазепа убедил: именно Полтава препятствует 50 тысячам казакам перейти к своему гетману. (А тот же порох казак мог выделывать в голой степи, "на колёнке".

Представьте меру интереса Европы к тому историческому узлу: прусский король-полководец Фридрих II 60 лет (!) спустя присылал в Полтаву своего фельдмаршала Кейта — оценить на месте, дайте королю заключение о битве. Об этом — следующая колонка.

Игорь ШУМЕЙКО

Окончание следует

Павел
полуян

ТАИМНСТВЕННАЯ ТИМАРХИЯ

Россия — наследница Спарты

влиянием своих слишком свободных жен стали предаваться роскоши и чванству. Доблесть сменялась корыстью.

А теперь сделаем некоторые выводы, необычайно важные для понимания судьбы государства Российского в минувшем столетии.

В политологии хозяева дискурса навязали нам множество негативных характеристик: авторитарное и тоталитарное общество, коммунистическая диктатура, идеологическая тирания и пр. Главное, партийная власть в СССР объявлялась чем-то противоестественным, государственным извращением. И это понятно. Ведь если признать, что советское общество являлось вариантом тимархии, описанной еще Платоном и Аристотелем, если принять, что предтечей СССР было военное общество древней Спарты, то для Запада складывается не слишком удобная ситуация. Во-первых, спартанское общество традиционно пользуется уважением публики: героизм и аскетизм — суть доблести. А во-вторых, как известно из истории, демократические Афины проиграла Спарте в войне, что очерчивало для блока НАТО не слишком радостную перспективу.

Именно поэтому понятие о тимархии-тимократии было удалено из политического словаря. И сами хозяева дискурса прекрасно осознавали осуществляемую фальсификацию. В книге Френсиса Фукуямы "Конец истории и последний человек" специально анализируется платоновский "тимос" как дух справедливости. Но соотносится такой "тимос" отнюдь не с воинами и революционерами, а с американскими борцами за права негров под руководством Линкольна, с феминистками и диссидентами. Смешно смотреть, как японоамериканский американец избегает слов о конкретном тимократическом государстве, зато тчистится приписать дух "тимоса" лидеру западной демократии и антикоммунистическим активистам. Как говорит Сократ в платоновском диалоге, "полностью несправедливого выгодно быть несправедливым при условии, что его считают справедливым".

И уж конечно, американцы никогда не называли и не называют тимархиями военные государства современности (типа Ливии, Ирака или Сирии). Всё это тирании-деспотии, никакого спартанского духа справедливости и воинской доблести, по мнению западных политиков, тут быть не может.

Здесь надо сделать важное замечание. Известно, что в Древней Греции отнюдь не все восхищались "Лакедемонской политией" — спартанским государственным устройством. Многогочисленные афиняне смеялись над неотёсанными жителями Лаконии, спартанцев корили за обобщест-

показательные казни. Идеология теснит логику вопреки очевидности. Вспомните, как Путин говорил о Муаммаре Каддафи, сравнивая того с Наполеоном: дескать, одумайтесь, европейцы, такие военные монархии и в вашей собственной истории занимают важное место. "И все молчат!" — подводит итог Владимир Путин.

Поэтому, давно пора нарушить молчание, уличить западных политологов-идеологов во лжи и подтасовках. Восстановить в правах древнее, Платоном и Аристотелем освященное, классическое понятие — "Тимархия". Тем более, что сейчас это крайне важно для самоопределения нашей страны.

В России тимократические формы правления возникли исторически из-за постоянного военного противостояния агрессивным соседям. Государственные лидеры были одновременно строителями армий и военными вождями, таковы Александр Невский, Пётр Первый и другие.

В СССР классическая тимархия была во времена Сталина. А ярче всего она проявилась в период Великой Отечественной войны и сразу после неё. Дальнейший этап — это разложение аутентичной тимархии, когда, по словам Платона, "... чем больше они ценят дальнейшее продвижение по пути наживы, тем меньше почитают добродетель. Кончается это тем, что вместо стремления выдвинуться и удостоиться почестей развивается наклонность к стяжательству". Так формируется олигархический строй.

А главный вывод, который прямо-таки напрашивается, состоит в том, что российская тимархия возникла в ходе революционной смуты именно потому, что доминирующий тип личности в нашей стране — тот самый тимократический человек Платона. Эти качества проявляются и сейчас: не случайно именно военная Победа стала для современной России истинной святыней, объединяющей всех. "Бессмертный полк" стал выражением глубинного народного духа.

Стоило современному Западу начать против нас агрессивные действия, наше общество перед лицом военной угрозы сразу мобилизовалось и обрело духовное единство. Западные хозяева дискурса обманулись, заморочили сами себя, позабыли, что они имеют дело с Россией — обществом тысячелетних воинских традиций. Жадная вырожденческая олигархия процветала в РФ недолго, сменившись вновь тимархией. Историческая практика показала, что выборный государь для российской тимократии столь же естественен, как царь, ниспосланный судьбой.

В заключение скажу еще пару слов. Я интересовался социологией, но занимался всю жизнь философскими вопросами естественных наук. И вот в

Памятник царю Леониду в г. Спарте

и речи: у нас была "диктатура пролетариата" и реальный социализм с "ядром политической системы" в виде КПСС. Но как только появилось свободомыслие, неужели нельзя было выйти за пределы навязанных схем и объяснить советским людям — кто мы и откуда?

Вместо этого государственная структура СССР объявлялась уродством: то это оказалась партия, присвоившая себе государственные функции (А. Мигранян), то в бюрократической иерархии обнаружилось некое сверхгосударство как очередное разделение властей (А. Зиновьев), то коммунистическая власть выставлялась в роли колониальной администрации, превращавшаяся в резидентуру международного масонства (Д. Галковский). Я уж не говорю про журналистские метафоры о бесах революции и мафиозных авантюристах. (Интересно, что в Италии недавно вышла курьезная лента про русскую мафию под названием "Сибирское воспитание" ("Educazione siberiana") — подчёркнута аналогия с идиомой "Спартан-

Точно так же, как и в Византийской империи, продолжавшей римское право и традиции классической греческой цивилизации, российская тимархия, сформированная веками войн, способна принимать разные облики: с армейской выправкой, царисткой парадностью, религиозной ритуальностью. Чистые формы демократии у нас тоже присутствуют (как это было в древней Спарте); а благодаря современным технологиям вполне обеспечены свобода информации и личное пространство.

Тимархия Российской государства также является залогом тяготения к нам обществ с такими же тимократическими традициями — это Кавказ, Турция, страны Юго-Западной Азии и Латинской Америки.

Итак, современная Россия была и остается государством с особым типом управления, который именуется тимархией. Это классический тип общества с ярко выраженной властью вождистского типа и воинской иерархией государственных должностей. И здесь всегда будут цениться героизм и доблесть, справедливость и честь.

11-й гусарский полк на русской батарее. Художник Ричард Кейтон ВУДВИЛЛЬ

165 ЛЕТ НАЗАД, 14 (26) июня 1853 года император Николай I издал Высочайший манифест о занятии российской армией приднулянской княжества, Валахии и Молдавии, вассальных Османской империи. Поводом стали, как всегда, притеснения Высокой Портой подданного ей православного населения. Так был сделан решающий шаг к войне, которая вошла в отечественную историю под именем Крымской.

Для российского общества того времени события Крымской войны (и особенно — её результат) стали настоящим шоком. Как? Государство, всего 43 года назад одержавшее победу над самим Наполеоном, с его армией "двунадесят язычек", собранных со всей Европы, не смогло справиться с британо-французско-сардинско-турецкими силами, которые действовали, по преимуществу, на территории Крыма? Сегодня нам, пережившим в 1991 году, всего через 46 лет после величайшей исторической Победы 1945 года, крах Советского Союза: без всякой проигранной войны ("холодная" здесь — не в счёт), но с потерей гигантских территорий и населения, — подобный шок понятен. Но, в сравнении с нынешней ситуацией, выглядит неадекватным и весьма преувеличенным.

Тогдашний премьер-министр Соединённого королевства лорд Генри Джон Пальмерстон — тот самый, что прославился словами об отсутствии у Великобритании постоянных союзников и врагов при наличии постоянных интересов, изложил цели Крымской войны своему предшественнику, а на тот момент — министру иностранных дел и лидеру оппозиции, лорду Джону Расселу, в следующем виде: Аландские острова и Финляндия должны быть возвращены Швеции; Прибалтийский край — отойти к Пруссии; королевство Польское — восстановлено как барьер между Россией

и Германией (не Пруссией, а Германией!); Молдавия и Валахия и всё устье Дуная — стать владением Австрийской империи, которая, в свою очередь, откажется от Ломбардии и Венеции в пользу Сардинского королевства; Крым и Кавказ передаются Османской империи, причём на Кавказе создаётся отдельное государство Черкесия, находящееся в вассальных отношениях к Высокой Порте.

Этот проект, если бы его удалось осуществить полностью, гарантировал Великобритании полное господство не только в континентальной Европе, но и, благодаря этому, практически во всём мире (тогда иной, кроме России, военно-политической силы, способной противостоять британской экспансии, не существовало, что наглядно показала история двух Олимпных войн против более чем стомиллионной империи Цин). Но реальные итоги Крымской (для Запада — Восточной) войны оказались куда скромнее, а потери в ней англичан вместе с их союзниками — намного больше, чем это ожидалось. Поэтому понятно, почему в Лондоне считали эту "Восточную" войну неудачной, а Парижский мир 1856 года — "небеспечным".

Ведь на фронтах этой войны, прежде всего — в самом Крыму, сражались не только почти 100-тысячная армия Её Величества королевей Виктории, но и около полумиллиона союзных войск — и эти силы, численно-стью вполне сопоставимые с армией Наполеона, за три года боевых действий совместными усилиями, а также ценой жизни 22 тысяч англичан, 125 тысяч французев и 45 тысяч турок — добились только того, что Чёрное море и Аландские острова на Балтике были "демилитаризованы", да ещё оказалась "откушенной" от России часть Бессарабии... Образно говоря, России так и не смогли поразить в сердце, но лишь бы кончиков двух мизинцев удалось. Впоследствии та же британская

минает о Станиславе ГОВОРУХИНЕ, Марии МАСЛОВА поздравляет с юбилеем Игоря ШЛЯПЕВСКОГО, Светлана СЫРНЕВА — Анастасия АБРУТИНА; Татьяна ЛЕСТЕВА пишет о новых романах Александра ПРОХАНОВА, Борис Бычков — об Интернациональном союзе писателей, Станислав ЗОТОВ — о творчестве Василия ПАНИНА. Также в номере — рецензии Елены КРЮКОВОЙ на новую книгу

стихов Нины ЯГОДИНЦЕВОЙ, Александра ЛЕОНИДОВА — на фильм "Собибор", Вячеслава ЛЮТОГО — на поэзию Александра НЕСТРУГИНА. Как всегда, читатели могут ознакомиться с хроникой писательской жизни.

"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ", ведущую литературную газету России, спрашивайте в редакциях газет "День литературы" и

"Завтра", а также в книжных лавках СП России (Комсомольский пр., 13), Литературного института (Тверской бульвар, 25), ЦДЛ (ул. Б.Никитская, 53).

Наши телефоны: **8-499-246-53-11, 8-806-015-80-69;**

e-mail: DenLiterra@yandex.ru;

электронная версия: <http://denlit.ru/>.

Главный редактор — Владимир БОНДАРЕНКО.

ДЕНЬ
ЛИТЕРАТУРЫ

Вышел из печати, поступает к подписчикам и в продажу июньский (2018,

№ 6), выпуск газеты "ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ".

В номере — передовая Александра ЛЕОНИДОВА; проза Владимира ВИННИКОВА; поэзия Влады БОРОВЕЦ, князя ГОЧАГА, Владимира ДМИТРИЕВ-СКОГО, Николая КОНОВСКОГО и Александра МАРОЧКИНА; публицистика Андрея АНТОНОВА и Алексея МАМОНТОВА. Александр БАЛТИН вспо-